

НГ АНТРАКТ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «НГ» №19 (62), 6 ИЮНЯ 2003 г.

+ ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ

Жизнь и реальность

Валерий Гаркалин: «Мне необходимо постоянно испытывать чувства»

Сергей Шаповал

Валерий Гаркалин – один из самых известных и востребованных отечественных артистов. Широкую популярность ему принесла народная кинокомедия «Ширли-мырли», она же поставила его карьеру под угрозу: инерция штампа заставляла возвращаться в круге однотипных ролей. Спасительной оказалась бурно развивающаяся театральная антреприза. Наша беседа посвящена сегодняшней, кажущейся невероятной активности актера и тайнам профессии.

– Валерий, хочу начать с бытующей точки зрения о дьявольской сущности вашей профессии: человек, проживающий тысячи чужих жизней, не может не нанести ущерба собственной душе; были времена, когда актеров даже хоронили за пределами кладбищ. Как вы относитесь к такому взгляду на ваше занятие?

– Человечество ведь еще очень молодо. Один из главных наших учителей советского пери-

проста: я занимаюсь своим делом, стараюсь быть максимально добросовестным с точки зрения морали, которую я принимаю. Я не допускаю ничего лишнего, что могло бы заставить меня каяться.

– Существует еще один стереотип, связанный с природой вашей профессии: ум актеру только вредит, чем он глупее, тем больше диапазон его возможностей.

– Слышал я эти «умные» разговоры. Не хочу их опровергать, поскольку категорически с ними не согласен. Распространяются мифы о «неумных» Евгении Евстигнееве, Евгении Леонове, великих вахтанговцах и мхатовцах, я могу настаивать на том, что это были развитые, глубоко начитанные и образованные люди. Мне довелось работать со многими из «могикан», так что я знаю, о чем говорю. Сцена, как рентген, на ней видно все: чем дышит человек, что он ел на завтрак, как он относится к женщинам, какие у него проблемы с психикой и так далее. Сцена контурно и контрастно обрисовывает личность артиста, скрыть ничего нельзя. **– Но бывают отличные артисты, интервью которых вызывают одну реакцию: этому человеку лучше жевать, чем го-**

– Необходимо ли вам для продуктивной работы приобщение к другим искусствам?

– Оно необходимо любой развивающейся личности. Но для меня самой важной является необходимость постоянно испытывать чувства. Сейчас я знаю, о чем говорю. Нельзя оставаться бесчувственным или пытаться свои чувства прятать. Труд души – залог самостоятельности актера. В противном случае у роли не будет объема, на первый план выйдет ремесленное исполнение.

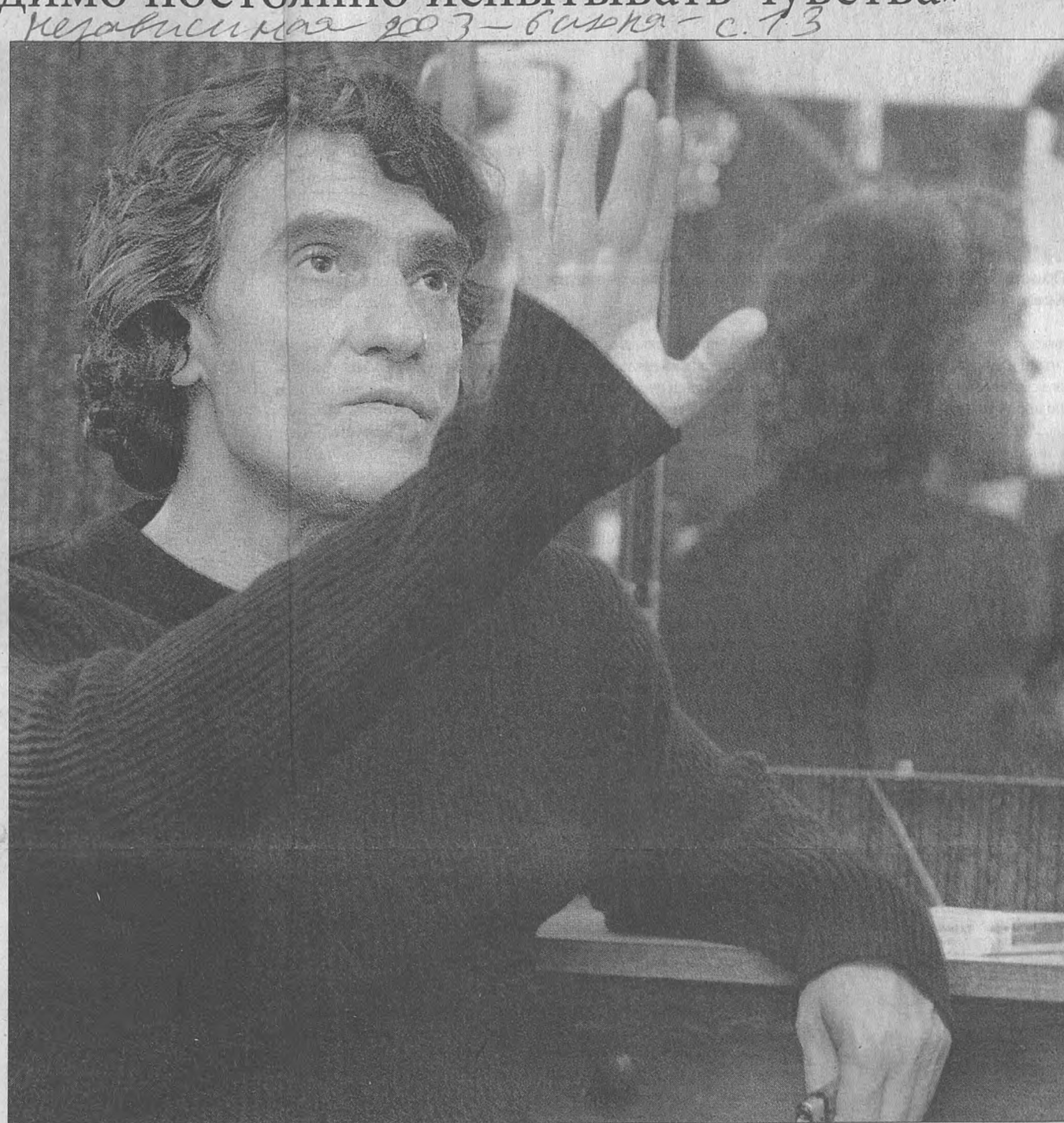
Мы не так часто заглядываем в свою душу, а мне кажется, что это нужно делать постоянно. Жизнь очень многообразна, на все нужно реагировать. Я не говорю о реальности. Реальность скучна и тосклива, ничего, кроме ожидания собственной смерти, в ней нет. Это замечание принадлежит Набокову. Вымысел поднимает над реальностью, приближает к жизни, в вымысле значительно все.

– Вы сейчас очень интенсивно работаете, у вас есть роли, за которые вы беретесь исключительно ради заработка, или ваш отбор базируется на других принципах?

– Раньше о деньгах не думалось, важно было попасть в хороший театр, а деньги можно было заработать на халтурах. Меня этот опыт миновал. Несколько лет я проработал в «Людах и куклах», по тем временам зарабатывал прилично. Когда изменились общественные отношения, антреприза стала существенным фактором в нашей жизни, я попал в этот поток. Конечно, коммерческий фактор в антрепризе очень существенен. Я знаю, что если я буду хорошо работать, мне будут хорошо платить. А почему будут хорошо платить? Потому что на меня будет спрос. А почему будет спрос? Потому что люди готовы нести свои кровные, чтобы меня увидеть. А почему люди готовы на это тратить? Потому что я хорошо работаю. И так далее. Ничего иного нигде в мире не придумано.

– Вы играете Гамлета в Театре имени Станиславского. Могли бы вы определить, чем ваш Гамлет принципиально отличается от всех, появившихся ранее в театре и кино?

– Мне довелось видеть многих Гамлетов, по-моему, их всех

Валерий Гаркалин: «Артист так выкладывается на сцене, что ему добавить к тому, что он сделал, нечего».

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

объединяет то обстоятельство, что во главе замысла стоит сам Гамлет: на сцене артист, который талантливо читает монологи, все остальные персонажи его обслуживают. Я не видел ни одного спектакля или фильма, в котором режиссер иначе посмотрел бы на эту вещь. Фактически получались произведения про то, как хорошо некий артист играет Гамлета. В замысле Димы Крымова не было даже намек на это, более того, в его

концепции Гамлет обслуживает всех остальных героев. Там вообще нет ставки на мое мастерство, там я должен оказаться частью грандиозного и непостижимого мира, который Гамлет открывает в связи со всем случившимся. Когда я начал понимать, что участвую не в красивых чтении великого пастернаковского перевода, а в новом цельном действе, я с радостью туда пошел. Когда историки театра будут говорить об этом

спектакле, уверен, они увидят и отметят нетрадиционность подхода.

– Эта роль стала для вас поворотной?

– Безусловно, тут нечего лукавить. Я ведь актер комедийный, работал в Театре сатиры, в кино после «Ширли-мырли» мне ничего интересного больше не предлагали. Я хорошо был знаком с Александром Демьяненко, видел его трагедию: он не смог преодолеть навязанный ему

штамп, который пользовался успехом у зрителя. Это угрожало и мне. И вдруг я получаю предложение сыграть роль, которая основывается на совершенно других средствах воздействия на зал, которыми я никогда не пользовался!

– У вас очень напряженный график работы, в Москве вы бываете проездом, в этих паузах занимаетесь со студентами. Как вы выдерживаете такой ритм?

– Я не стану произносить расхожую чушь о необходимости утренних упражнений с гантелями. Естественно, тело нужно поддерживать в порядке, чтобы на тебя было не противно смотреть. Я этим занимаюсь на отдыхе. Моя жизнь сложилась таким образом, что я очень много езжу. Получается так, что я живу в экстремальных условиях. Как-то я прочитал, что на войне люди в окопах не болеют простудами, защитные функции организма вырастают на порядки. Часто я себя сравниваю с солдатом, находящимся в окопе.

– А зачем вам преподавание?

– Я сам еще толком не знаю. Я не принадлежу к той категории людей, которые чувствуют, что они должны что-то передать следующему поколению. Но мне кажется, что есть необходимость в пополнении новой актерской генерации универсальными артистами.

– Значит, вы ощутили необходимость и возможность что-то сказать следующему поколению?

– Это попытка, законченного решения у меня нет. Методология подготовки артистов у нас так раздроблена и разжижена, что нужно искать новые подходы к этому процессу. Должны появиться актеры, способные хорошо сыграть в пьесах и Мрожека, и Чехова, и Островского, и в мюзиклах.

– И напоследок пару вопросов, не связанных с профессией. Вы интересуетесь политикой?

– Когда были острые ситуации в общественных отношениях, я не оставался безучастным, активно реагировал на происходящее. Сейчас возникло ощущение некоего вакуума, на выборы можно не ходить, чувствуется возврат к тому, что раньше называлось «одобрям-с».

– Что вам сейчас доставляет наибольшее удовольствие?

– Попробовав все, я оказался в сумрачном лесу. Мне доставляет огромное удовольствие, когда вдруг случается хорошая роль, и она получается от начала до конца. Ни с чем не могу сравнить это ощущение.

– Выходит, вы ведете аутичное существование?

– Так и есть. Не стану скрывать этот свой порок. ■

Часто я себя сравниваю с солдатом, находящимся в окопе

ода Карл Маркс говорил, что переживаемая нами история – всего лишь пролог, в нем закладывается все, что будет иметь развитие в подлинной истории. Представляете, какой ужас ожидает наших потомков! (Смеется.) Но я действительно считаю, что человечество еще юное, поэтому вряд ли пристало воспитывать артистов с точки зрения нравственности. Под знаменем идеи Христа велись войны, сжигались люди на кострах. История настолько трагикомична, что придавать большое значение тем разговорам, о которых вы упомянули, я бы не стал. Моя точка зрения

ворить. Отсюда и предположение, что он – сосуд, который режиссер удачно наполнил содержанием.

– Это удобный миф. Не обладая артист гибким умом, он никогда не принял бы в себя нужное содержание. Просто он привыкает говорить чужие слова и разделять чужие мысли, которые могут совпадать с его личным отношением к миру. Как любит повторять мой друг Роман Козак: «Я все говорю моими спектаклями, лично вам мне сказать нечего». Артист так выкладывается на сцене, что ему добавить к тому, что он сделал, нечего. Это удел зрителей и критиков.